

Джейн Джекобс. Закат Америки. Впереди Средневековье

Джейн Джекобс – автор бестселлера 60-х годов прошлого века [Жизнь и смерть великого американского города](#). Эта книга впервые позволила читателю усомниться в том, что «король одет», что профессионалы знают о том, что нужно людям, и о том, как удовлетворить их потребности наилучшим образом. По жанру «Закат Америки» можно определить, как книгу-предостережение. Но в первую очередь она интересна простой интерпретацией любопытных фактов. Совокупность этих фактов камня на камне не оставляет от мифов о том, что за океаном все устроено гораздо лучше, чем в родных пенатах.

К огорчению любителей мифотворчества, проклятый жилищный вопрос, как выясняется, мучит североамериканцев (и в США, и в Канаде) ничуть не меньше, а то и больше; что от былой этики профессиональных корпораций осталось немного; что фабрики по выдаче дипломов вытесняют школы, где еще сохранен контакт студента и преподавателя; что создание гигантских пригородов добывает традиционные городские ценности. Автор, однако, принадлежит к поколению тех «мастодонтов» XX века, кто не теряет оптимизма – впрочем, весьма умеренного.

Джейн Джекобс. Закат Америки. Впереди Средневековье. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 264 с.

На момент публикации заметки книга доступна только в [букинистических магазинах](#).

Глава 1. Риски

Это книга мрачная. Но надежда есть. Мрачен сам сюжет. Средневековье – это тупик культуры. В Северной Америке и в Европе, наслаждаясь множеством благ культуры, которую принято именовать западной, мы обычно думаем о Средневековье как о чем-то случившемся однажды и давно, когда рухнула Западная Римская империя. Однако в Северной Америке мы живем на кладбище утерянных культур аборигенов, со многими из которых покончили настолько тщательно, что утеряна и память о том, что было утеряно. Слабеющая или подавленная извне культура может длительное время соскальзывать в глубины упадка. Так это и случилось с большинством империй после относительно краткого расцвета.

Анри Пиренн, выдающийся бельгийский историк общества и экономики XX века, утверждал, что знаменитые Средние века, что последовали за крахом Западной Римской империи, достигли своей кульминации лишь шестью столетиями позже, около 1000 года. Вот как историки описывали положение французского крестьянства в тот год: «Крестьяне полуголодные. Эффекты хронического недоедания сразу же видны на скелетах, обнаруженных при раскопках... Состояние зубов... указывает на то, что эти люди питались злаками и страдали от цинги. Большинство умирало в детстве, а меньшинство обычно не доживало до сорока...»

По приблизительным расчетам, в ходе завоевания Северной Америки европейскими переселенцами от завезенных болезней, военных действий и насильственного переселения с земель, от которых зависели сотни локальных культур, погибло порядка двадцати миллионов аборигенов.

Культуры, достигшие триумфа в неравном состязании между завоевателями и их жертвами, были подвергнуты детальному анализу в работах превосходного историка Джереда Даймонда. Свои выводы он в доходчивой форме изложил в книге [Ружья, микробы и сталь](#). Даймонд убедительно доказывает, что различия между победителями и жертвами среди культур не связаны с генетическим неравенством интеллекта или иными врожденными признаками народов, в чем упорствуют расисты. По Даймонду, исходное определение причин несходства мощности культур сводится к географическому везению.

Ислам был наиболее успешным явлением с политической, военной, религиозной и культурной точки зрения, удерживая первенство с VIII до XV века – на западе через Северную Африку и Испанию, на востоке – до Центральной Азии. Научные знания исламского мира настолько опередили тогда Европу, что большинство научных и литературных трудов классической эпохи, которые получили в руки ученые Ренессанса, были переведены на латынь с греческого и арабского языков.

Другой ученый – Карен Армстронг – считает, что с конца XV в. и до начала XIX века Месопотамия сознательно предпринимала усилия для того, чтобы отгородить себя от влияний внешнего мира. Культурная ксенофобия часто является следствием того, что культура утратила жизненную силу. Армстронг характеризует такое сознание как сдвиг от логоса, то есть разума, с его духом, обращенным в будущее, всегда жаждущим знать больше и расширить зону компетентности и контроля над средой, к мифу, означающему торжество консерватизма, обращенного в прошлое, ища в фундаментальных представлениях опору и источник мировосприятия.

Средневековый Китай удерживал первенство дольше. Большое число и высокая плотность населения создали там предпосылки для технологического лидерства. Среди множества нововведений были выплавка железа, компас, порох, бумага, печать с помощью наборных литер, ветряная мельница, бумажные деньги, фарфор и несравненного качества шелковое производство. Застой Китая начался в 1433 году. Как отмечает Даймонд, Китай был прочно сцеплен политически: единственное решение могло остановить движение во всей стране. Политическая раздробленность Европы и соответственно децентрализация принятия решений создали для Колумба и для других исследователей принципиальную возможность, которой были лишены море ходы в куда более богатом и технически лучше оснащенном Китае. Единство, как и множество других вещей, хорошо в умеренных размерах.

В случае Китая мифом, которому уступили логос, стало конфуцианство – интеллектуальное и социальное наследие, состоящее из давних заветов. Считалось, что оно содержит в себе все необходимые правила поведения человеческих существ между собой и с окружающей средой.

Осуществленный Даймондом анализ, элегантный и точный, пока действующими факторами являются география и климат, растения, животные и бактерии, даже демография, немедленно утрачивает четкость и надежность, как только возникает вопрос о решениях, принимаемых людьми.

Культуру невозможно спасти, если стабилизирующие силы разрушаются или не отвечают сложности задачи. Вот чего я опасаясь применительно к нашей собственной культуре и что стало причиной для написания этой книги-предостережения в надежде на то, что время для корректирующих[^] действий еще есть.

Я вычленила пять опорных столпов нашей культуры, которые позволяют нам сохранять равновесие, и рассматриваю факторы, которые, как мне кажется, служат зловещими знаками их упадка:

- Сообщество и семья – они так тесно взаимосвязаны, что их нельзя рассматривать по отдельности.
- Высшее образование.
- Эффективное функционирование науки и техники, базирующейся на науке.
- Налоги и инструменты управления, имеющие непосредственное отношение к нуждам и возможностям их удовлетворения.
- Самооздоровление профессиональных сообществ.

Глава 2. Семья уже готова к распадку

Домашнее хозяйство, фундаментальный микрокосм культуры, представляет собой молекулярную единицу экономики. Казалось бы, следует ожидать, что семья в состоянии приспособиться к рывкам в культуре. В конечном счете, биология более фундаментальна, чем экономика. Однако, как правило, более способным к сопротивлению изменениям, сохранению своих базисных функций оказывается

домашнее хозяйство. Семья как общественный институт давно уже в беде. Более половины супружеских пар, а то и значительно больше приходит к разводу.

Почти четыре десятилетия, начиная с середины 1930х годов, средний доход семьи в США или Канаде был достаточен для того, чтобы выплачивать взносы по закладной на средней стоимости дом или же вносить ежемесячную плату за съемную квартиру средней стоимости. Где-то в середине 70х годов эти две величины – средний доход и средняя стоимость жилища – резко разошлись. Приобретение «среднего» дома стало возможно лишь при таком размере дохода, который показали в налоговых декларациях только десять процентов семей! Девяносто процентов уже не могли позволить себе приобрести «средний» дом.

Даже двое родителей, не говоря уж об одном, как правило, не в состоянии удовлетворить все потребности домохозяйства. Необходимо еще и сообщество. Соседское сообщество представляет собой сложный организм, обладающий сложной системой ресурсов, которые нарастают естественным образом и постепенно. Его ресурсы складываются из трех основных подсистем.

Первая группа – это ресурсы всеобщего доступа. Они включают доступное для всех членов сообщества жилье и транспортные коммуникации, за которыми приглядывают власти (водоснабжение и канализация, пожарная охрана, санитарные инспекции и охрана здоровья населения). Услуги второй группы производятся удобными и уютными коммерческими и некоммерческими предприятиями: дома престарелых и активный образ жизни для них, церкви и иные общественные центры, концерты, фестивали, спортивные состязания, классы изучения языка и профессиональные учебные центры. Третью группу ресурсов сообщества образуют услуги сугубо неформальные, не общедоступные и особенно значимые. Соседские контакты и приятельские отношения, существующие в дополнение к дружеским.

Через американские пригороды можно ехать часами, ни разу не увидев на улице пешехода. Это очевидный признак того, что в Северной Америке не остается соседских сообществ. Немало людей сопротивлялись происходившему с их прежними соседскими сообществами. Те, кому посчастливилось жить в уцелевших сообществах, продолжают борьбу за их сохранение, но им редко удается одержать победу. Пока сообщество есть, люди обычно понимают, что не могут себе позволить его потерять; но когда оно утрачено, то с ходом времени утрачивается и память об этой утрате. Это болезнь Средних веков в миниатюре.

Глава 3. Диплом или образование

Издавна считалось, что получить образование важно для самосовершенствования и хорошо для повышения жизненного уровня. Однако образование и диплом не обязательно означают одно и то же. Не образование, а выдача дипломов превратилась в основную задачу университета в Северной Америке. Ни способности, ни уровень знаний не имеют значения. Диплом не служит допуском к работе – это допуск к рассмотрению в качестве возможного работника.

Погоня за дипломами является косвенным следствием Великой депрессии 1930-х годов. Депрессия наложила на американцев глубокий отпечаток, по силе воздействия не сопоставимый с ее кратковременностью и относительной мягкостью. Перемена, наступившая, когда стагнация начала испаряться, стала чудом. В 1938-1939 годах, по мере того как раскручивалась военная промышленность, это происходило неспешно. С 1942 года, когда Америка втянулась в войну, процесс пошел в полную силу... Каждый отдавал себе отчет в том, что наслаждаться работой и процветанием ценой войны мерзко. И все же все мои знакомые были благодарны за то, что хорошая работа и выросшие зарплаты полились на них, как ливень после засухи. Теперь показалось, что мир наконец нуждается в нас, в нем для нас есть место.

Культуры сами выбирают цели, держатся их и преобразуют в цели и ценности самой жизни. Так, в Древнем Риме ведущим смыслом, высшей ценностью культуры было служение государству. В средневековой Западной Европе и в ранних пуританских колониях Америки смысл жизни тотально переоформился. Им стало спасение души, и своей, и других. В эпоху создания Соединенных Штатов, когда Просвещение, оформленное Коперником, Ньютоном и Декартом, одержало победу и над Средневековьем, и над Ренессансом, ведущей целью-ценностью стала независимость. Не напрасно документ, обосновавший цели войны за отделение от Великобритании, был назван Декларацией независимости, а день 4 июля – Днем независимости.

В связи с памятью о Великой депрессии по сей день никакая катастрофа, будь это даже вероятное глобальное потепление, не воспринимается как более серьезное бедствие, чем утрата рабочих мест. Все еще неясно, может ли война с терроризмом занять место «работы для всех» в качестве стержня американского образа жизни.

Справедливо утверждается, что прошлое продолжает жить в настоящем. Это верно и для происхождения гонки за дипломами. Отчасти ее породило чувство униженности и тревоги, когда Советский Союз и его спутник обошли Америку в космосе, отчасти – все еще памятный ужас депрессии.

Глава 4. Преданная наука

Ценность науки в состоянии умов: наука ставит своей целью выяснение истинной природы действительного. От других форм мышления науку отличает владение точными, очерченными средствами интеллекта, а также последовательность, с которой эти средства ИСПОЛЬЗУЮТСЯ. Стандартное описание научного подхода к миру включает четыре ступени или стадии, первой из которых служит продуктивная постановка вопроса. «Продуктивный» означает, что постановка вопроса должна включить, насколько это возможно, все, что уже известно об объекте, событии или процессе.

Оснадив себя продуктивным вопросом, ученый формулирует гипотетический ответ. Он делает это как можно изящнее и экономнее. На третьей стадии гипотеза проверяется как самими ее создателями, так и другими учеными. Как правило, достаточно быстро проверяет гипотезы реальный мир. Если ответы от него запаздывают, это не всегда означает недостаточность свидетельств. Чаше такое запаздывание указывает на то, что наблюдатели не в состоянии разглядеть свидетельства или не в состоянии в них поверить по причинам эмоционального характера. Поэтому)'¹ понадобилось, чтобы пала Берлинская стена – несмотря на то что марксизм оказался несостоятельным в роли экономической теории многими годами раньше.

На четвертой, финальной стадии успешная гипотеза открывает для нас вопросы, о самом существовании которых ранее никто не подозревал. В свое время поразительная теория Коперника относительно вращения Земли вокруг Солнца привела к постановке новой группы вопросов, главным из которых был: что удерживает Землю на орбите? Цепь новых вопросов, определяет существование науки как поступательный процесс, формирующий целостные системы знаний.

Томас Кун, историк науки прошлого века, показал, как утвердившиеся научные истины способны тормозить прогресс науки. Он назвал такие истины парадигмами и указал на то, что они формируют картину мира людей. Большинство людей не хотят видеть, как их картине мира отказывают в доверии, а они сами лишаются точки опоры. Когда появляется новое знание или новые свидетельства, противоречащие парадигме или ставящие ее под вопрос, ее начинают обвешивать всевозможными исключениями, чтобы не допустить ее потери. Если парадигма устарела полностью, она в конечном счете уступает место иной, не выдержав испытания реальностью мира (подробнее см. [Томас Кун. Структура научных революций](#)).

Я хочу предъявить пример того, как был предан научный способ мышления, как была отброшена наука. Это провал во второстепенной области инженерии, известной как транспортная инженерия или управление транспортными коммуникациями. Это провал принципиального значения, поскольку из-за него множество водителей тратит пропасть времени, возрастает загрязнение среды, растрачиваются земли и энергия. Именно он стал главной причиной разрушения соседских сообществ.

«Модели планировщиков исходят из предположения, что при закрытии улицы для движения трафик перемещается в иное место... Исследования показали, что компьютерные модели, используемые специалистами по планированию городского транспорта, дают ошибочные результаты... Когда дорогу закрывают, порядка 20% трафика, который шел через нее, попросту исчезают. Наоборот, строительство новых дорог порождает увеличение движения».

Может, исчезновение части трафика – автомобилей и тех, кто в них ездит, – это всего лишь исчезновение части времени, проводимого на дороге? Повторяющийся феномен исчезновения трафика заставляет предположить, что нечто существенное кроется не столько в поведении водителей на дороге, сколько в самом закрытии улиц для движения.

На мой взгляд, ошибка номер один заключается в автомагистралях с усложненным доступом к ним и их съездными рампами. Ошибка номер два нашла выражение в знаках «нет поворота налево», «остановка запрещена» и «одностороннее движение». Планировщики дорог и инженеры транспортники откуда-то взяли, что движение значит больше, чем его цель. Почтенная, несмотря на ее сомнительность, парадигма подобна яду. Пропитывая все вокруг, она разрушает жизнь сообществ, растрчивает время, энергию и территорию, загрязняет атмосферу и угрожает независимости стран с большими залежами нефти.

Соединение внешнего почтения к строгости науки с фактическим отказом от строго научного поведения несет в себе яд. Он пропитывает программы зарубежной помощи, педагогику и политику борьбы с торговлей наркотиками. Он впитан в сомнительные и прямо вредоносные моды в лечении болезней, в пропаганду стиля жизни и в сельскохозяйственные рекомендации.

Глава 5. Вывихнутые рекомендации

При всех своих пороках ранние средневековые города имели два огромных преимущества: субсидиарность и финансовую прозрачность. Суть субсидиарности заключается в том, что власть работает лучше всего, наиболее ответственно и гибко, когда она максимально приближена к людям, которым она служит, приближена к их нуждам, удовлетворить которые она стремится. Финансовая прозрачность есть принцип, согласно которому учреждения, собирающие и перераспределяющие налоги, работают наиболее ответственно, когда они подотчетны тем, кто эти налоги выплачивает.

Оба принципа важны. Тем не менее и субсидиарность, и финансовая прозрачность почти полностью исчезли из современного мира. Теперь почти во всем мире основные налоги, включая наиболее существенные и информативные в экономическом отношении взимаются или суверенными правительствами, или их суррогатом в лице региональных правительств. Городских источников дохода, как правило, недостаточно для того, чтобы удовлетворить нужды городов. И так называемые вышестоящие власти время от времени приходят им на помощь, предоставляя финансовые субсидии вместе с программами их использования. Эти средства распределяются между получателями, ситуации которых существенно различаются. У них несходные возможности и неодинаковые нужды. Правительства не в состоянии входить в мельчайшие детали такого рода различий. Так что возможности непременно теряются.

Непоследовательная манера использования налогов наряду со столь же непоследовательным применением силы, обеспеченной налогами, приносит распад. Как только процесс распада запущен, с поразительной быстротой происходит деградация.

Вклад Торонто в различные бюджеты составил в 2001 году 21 миллиард. При этом доля, попадающая в городскую казну, составила не более 6%. Канадские налогоплательщики признают и принимают необходимость федеральных налогов, которые должны покрывать стандартные расходы национального правительства. Нынешняя бедность публичного пространства Торонто создана искусственно. Она осознанно навязана городу политикой, которую в Канаде называют неоконсерватизмом. В США ее именуют реконструированным управлением или вашингтонским консенсусом. В Великобритании она именуется тэтчеризмом. В широком международном контексте примерно тот же пакет верований и политических формул известен как «экономические реформы, проводимые по рекомендациям Международного валютного фонда».

Этот интеллектуальный феномен основан на сугубо моралистской убежденности в том, что всякое публичное благо или публичная услуга должны напрямую зарабатывать достаточно для оплаты своих расходов. Так, предполагается, что всякая школа должна зарабатывать достаточно, чтобы себя окупать. Предполагается, что любой художник должен зарабатывать достаточно, чтобы доказать право искусства на существование.

Неоконсервативные идеологи весьма избирательны, отдавая свои симпатии тому, что должно сохраняться и процветать. Они щедро субсидируют стадионы для профессионального спорта, автосборочные производства, строительство дорог и все прочее, с их точки зрения, достойное налоговых льгот и иных преференций. Покупка симпатий избирателей – вот то, что делают с помощью налоговых льгот.

После Второй мировой войны беднейшие страны, зависящие от иностранной помощи, находятся в такой же ситуации. Нерационально направляемые ресурсы «пролетают через стратосферу» – от

правительств богатых стран, или от Всемирного банка, или от Международного валютного фонда, и попадают в руки правительств независимых беднейших стран для дальнейшего распределения. Помощь не доходит до тех, кому она была предназначена. Непреднамеренных последствий великое множество. Нищают крестьяне, выселенные из родных мест ради строительства плотин, сопровождаемого обещаниями благоденствия за счет изобилия электроэнергии и привлечения иностранных корпораций, которые должны создать новые рабочие места. Провал программ помощи укрепляет нестабильность и терроризм.

Глава 6. Извращение самоконтроля

Саморегулирование в основном имеет отношение к внутренней жизни профессиональных групп. Так, обычно союзы архитекторов устанавливают размер гонорара, который должны выплачивать клиенты, согласно традиции, определяя его через отношение к общим затратам на строительство объекта, по скользящей шкале.

В западноевропейской и американской культуре к профессиональному саморегулированию сохраняется позитивное отношение. Самоконтроль тоньше и двусмысленнее, чем саморегулирование. Его функцией является борьба с обманом и другими формами преступности, равно как с поведением, нарушающим профессиональную этику или балансирующим на грани преступления. Нет для профессии более скорого пути к утрате общественного уважения к себе, чем ради чести мундира скрывать явное зло, совершенное профессионалом.

Укрывание прегрешения имеет более тонкий характер, когда профессиональные сообщества заметно оттягивают решение. Или же если они медлят с тем, чтобы прибегнуть к самоконтролю с его обязанностями, хотя при этом решительно настаивают на его автономии. В подобных случаях защита членов ассоциаций от преследований или ложных обвинений и защита жертв от наносимого им вреда настолько неравноправны, что профессии было бы лучше отказаться от самоконтроля, передав преступление и наказание полиции и судам, а не епископам и профессиональным дисциплинарным комиссиям.

Самоконтроль не сработал в случае с аудиторской фирмой Артур Андерсен в деле «Энрон». Общество привыкло доверять членам солидного профессионального цеха лицензированных аудиторов в том, что они правильно надзирают за бизнесом и гарантируют правдивость финансовой отчетности бизнеса. Финансовый скандал 2001 года в «Энроне», огромной и сложно организованной компании по продаже электроэнергии со штаб-квартирой в тexasском Хьюстоне, нанес жестокий удар по экономике США. За счет фальшивой отчетности иллюзорные прибыли «Энрона» раздувались, а вполне реальные убытки скрывались. Фальсификация отчетности осуществлялась не столько внутренним аудитом, сколько консультантами.

Глава 7. Как распрямить порочную спираль

Только в 1916 году зонирование закрепилось в культуре Северной Америки. Оно сформировалось в опоре на три базисные идеи:

- Высокая плотность городского пространства – это плохо.
- Высокая плотность застройки (число людей или количество домохозяйств на гектар территории) – это плохо.
- Смешивать коммерческие и иные виды деятельности с жильем – это плохо.

Все три принципа несли в себе отрицание города и городского образа жизни. Его авторами были утописты и реформаторы, пытавшиеся посредством таких абстрактных решений справиться с проблемами здравоохранения и «неупорядоченности».

Правила зонирования представляют собой нормы и инструменты, полностью игнорирующие формы деятельности, которые вызывают у людей гнев. Вместо зонирования следует принять кодекс застройки. Целью кодекса деятельности является соединение максимальной гибкости с максимальной защитой прав и интересов жителей.

Культуры в огромной степени зависят от естественного многообразия, заключенного в их сообществах. Пожалуй, наибольшая ошибка, которую может совершить культура, это ее попытка продлить свое существование за счет использования принципа эффективности. Если культура достаточно богата и достаточно внутренне сложна, чтобы позволить себе избыточное число воспитателей, но отказывается от них (считая ненужной роскошью или теряя их вклад от

невнимательности к тому, что утрачивает), следствием становится ее самоубийство. В таком случае порочная спираль заворачивается вновь.

Глава 8. Фигуры Средневековья

Десять или двенадцать тысяч лет назад человек начал осваивать принципиально новую экономику земледелия и скотоводства. Древние культуры охотников и собирателей оказывались вовлечены в жизнь аграрных культур, поставляя им рабов или воинов. Они не могли устоять против доминирующих культур и их экономики. С возникновением сельского хозяйства мир уже не мог вернуться к своему прежнему состоянию. Почти повсеместно первичные формы экономики и их культуры были обречены на поражение и забвение.

Ключ к постаграрному процветанию лежит в решении сложной задачи по развитию разнообразия экономики, созданию возможностей и поддержанию мира без обращения к насилию. Аграрные культуры, не способные адаптироваться к производству богатства через знание, ждет свое Средневековье и спираль упадка.

Как может культура избежать провала в Средневековье или близкую к нему ситуацию, когда все указывает на то, что это – ее судьба? Япония сумела избежать колониального средневековья после того, как командор Мэтью Пери в 1853 году привел военные корабли к Токио и потребовал, чтобы страна открыла двери для торговли с Западом. Веками до того Япония культивировала оборонное сознание, закрывшись от контактов с опасным внешним миром и его культурой. Она продолжала защищать себя и тогда, когда стала догонять Запад, преобразуясь из аграрного общества в постаграрное, основанное на инновациях.

Однако в ходе этой трансформации общество предприняло колоссальные усилия, направленные на то, чтобы удерживать и питать привычные черты культуры. Оно восстановило символическую фигуру императора, продолжало воспевать идеалы самураев, сберегло все святыни. И прежде всего японское общество культивирует свое искусство и эстетические ценности, воплощенные в нем. В целом Япония скорее вплела Запад в собственную культуру, чем позволила ей оказаться ненужной при подражании Западу.

Япония системно продолжает эту политику. Так, она любовно сохраняет свою программу поддержки живого национального достояния – людей, сберегающих великое мастерство. Это каллиграфы и гончары, барабанщики и садовники, резчики и кукольники, актеры традиционного театра и так далее и тому подобное. В обмен на эту поддержку живые национальные достояния продолжают совершенствоваться в своем мастерстве и передают его ученикам, так что ни умения, ни ценности, ни культурная идентичность, которую они воплощают, не утрачиваются.